

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ШЕСТАЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

18+

Марина Индивиди Драконова Академия. Книга 6

<https://litres.ru/74499328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все, кто был мне дорог, сейчас далеко от меня. Я живу уединенно в местах, где любая магия бессильна. Там, где затаившаяся внутри меня тьма больше не сможет никому навредить. Вот только один драконий принц решительно не желает меня оставлять, а во снах ко мне приходит тот, кого в этом мире уже не должно быть. Приходит, чтобы показать, к чему все идет, и тогда я понимаю, что ничего еще не кончено. Когда вижу руины этого мира, столицы, с которой у меня связано столько воспоминаний, и горящую Драконову Академию.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Марина Индивиди
Драконова
Академия. Книга 6**

Пролог

Лена

Все великие злодеи оставляют после себя наследие. Руины, пепелища, выжженную тьмой землю. На худой конец, горы пафоса перед тем, как быть поверженными (это если судить по земным фильмам). Адергайн Ниихтарн не оставит после себя ничего. Я знаю это, потому что провела с ним некоторое время и даже в какой-то степени наслаждалась происходящим.

А впрочем, давайте повеселее: вот уже почти месяц, как я не чувствую в себе тьмы. Темной магии, которая поначалу пугала меня до икоты, потом была наваждением, а после стала моей сутью. Я купалась в ней, я жила ей, я управляла ей... точнее, думала, что управляю, хотя на самом деле это она управляла мной. Даже после перемещения на священные земли каани она не хотела отступать. Здесь бессильна любая, даже самая сильная магия, но она оставалась во мне. Выла, рычала, превращала меня в олицетворение злобы и безумия, способное убивать, невзирая на лица — только чтобы отсюда вырваться. Только чтобы вернуться туда, где я смогу снова ее почувствовать. Снова ей распоряжаться. Или, точнее, где она снова сможет прорываться в мир через меня. Где она снова сотрет меня как данность. Где я снова буду *Еленой*.

Теперь я ненавижу свое имя, потому что оно напоминает

мне о тех днях. О том, кем я была. О том, что я делала. Да, хотелось бы, чтобы вместе с ее голосом во мне затихла и память о днях, проведенных в Мертвых землях, но это, увы, невозможно. Моя память сейчас напоминает иллюстрированную книгу или кино, в котором отчетливо крутятся события последнего года. Иногда они смазываются, иногда становятся четкими, как если бы это происходило минуту назад. Но чаще всего они яркие, как кошмарные сны, проснувшись после которых ты еще долго не можешь прийти в себя, лежишь в холодном поту, убеждая себя и взбесившееся сердце, что все это произошло не на самом деле.

Так вот, в моем случае даже это не работало. Потому что все, что я помнила, на самом деле произошло.

— Слышу хруст, думаю, что такое? А это Элени себя грызет.

Так меня называли в племени каани, «Элени», что значит «возродившаяся из тьмы». Символичненько.

— Это костер, — ответила я и кивнула в сторону пляшущего пламени, которое недавно сама развела. Огонь жадно пожирал сухие ветки, в ночную темноту летели невесомые искры, опаляющие мой бок жаром.

Здесь, в горах, удивительно чистый воздух, но еще здесь прохладно. Даже летом. Особенно ночью. Без костра просто так не посидишь и не позанимаешься самоедством.

Подошедшая ко мне Амани Руан, возглавляющая племя каани вот уже сорок лет — с тех пор, как мать уступила ей

место, выглядела точно не на свои семьдесят шесть. От силы на пятьдесят, и то, на те пятьдесят, которые показывали фитнес-тренеры в качестве рекламы в соцсетях. Ее лица коснулись морщины, но они больше напоминали те, что возникают от южного солнца. Впрочем, в горах солнце не менее беспощадно.

Поджарая, мускулистая, она легко уселась рядом со мной и вытянула вперед ноги. Бронзовая кожа в отблесках пламени казалась не то натянутой тканью, не то металлом. В узких разрезах глаз горела янтарная радужка: от постоянного нахождения рядом с залежами ламаара. Камня, нейтрализующего магию. О нем не знал никто, кроме каани, а если бы знали, это место было бы уничтожено. Такими как Адергайн или Ферган. Или, может быть, ради такого они бы объединились.

— Слышала, ты собралась уходить.

— Да, мне здесь больше нечего делать.

— Я же говорю, ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

— Я и так достаточно долго злоупотребляла вашим гостеприимством.

Дело было не только в этом, и мы обе прекрасно это знали.

— И куда ты пойдешь?

Я думала об этом раньше, возможно, слишком часто. Поэтому ответ был быстрым.

— Я рассказывала тебе про разрушенный дом. Помнишь?

Судя по местам, которые я изучила, он отсюда недалеко.

— Недалеко — понятие относительное, — прищурилась вождь-амазонка. Иначе ее называть просто не получалось.

— Дойду. Прогулки здорово прочищают мозги.

Амани прищурилась. У нее тоже было значение имени, даже два: «Верховная», а еще «Мудрая».

— Зря ты его прогнала, — хмыкнула она. — Вдвоем было бы проще.

Я поежилась, вспоминая наш последний с Люцианом разговор. И ответила:

— Не зря.

Глава 1

Соня

— Иди ко мне, моя принцесса, — произнес Сезар и взял дочь на руки. Малышка агукнула и потянула к нему ручки, ее явно интересовали Сезаровы отросшие пряди, придававшие ему несколько бунтарский вид.

Именно поэтому Соня всегда ходила со стянутыми в пучок волосами, в противном случае пучками эти самые волосы ее покидали: Миранда совершенно не стеснялась в выражении чувств. По сравнению с беременностью роды прошли на удивление легко, да и жизнь на севере повлияла на нее в лучшую сторону. Это было как оставить за спиной тяжелый груз и неприятные воспоминания, все скопом. Когда после жутких событий переезжаешь в другую страну или другой город, хотя бы часть этой тяжести остается там, в прошлом.

Так случилось и с ней. Ей стало легче дышать, когда они покинули Хэвенсград, словно это место высасывало из нее силы. Словно оказавшись на другом месте, она начинала новую жизнь. Так и было, буквально. Но и фигурально в том числе. Не было ни одного дня, с самого ее перемещения в Дарранию, чтобы Соня не думала, как все могло быть. Если бы они с Леной не поехали в тот день на фотосессию. Если бы поехали в другое место. Если бы она не влюбилась в Сезара. Если бы не вышла за него замуж. Если бы не попросила

Лену разорвать пространство для встречи с мамой...

Этих «если» было столько, что можно было спятить, но, к счастью, она нашла в себе силы оставить все это в прошлом. Жить дальше. Даже надежду на то, что Лена и Люциан когда-нибудь вернутся, потому что эта надежда выматывала душу даже сильнее мысли, что она никогда больше их не увидит.

— Звездочка моя. Ты мое чудо!

Рядом с дочерью Сезар преображался, становился тем мужчиной, которого она никогда раньше не знала. Миранда улыбалась, дергая его за волосы, а ему, казалось, все нипочем!

— Сезар, — фыркнула Соня, — теперь я понимаю, благодаря кому лишилась части своей прически.

Он вскинул на нее глаза: сидевший в кресле муж с дочерью на руках выглядели так уютно, что на мгновение Соне показалось — у них могло бы получиться. В самом деле могло. Опасная мысль, но Соня уже ее допустила, и справиться с ней оказалось не так-то просто. Даже слегка заросший, с трехдневной щетиной, Сезар все равно выглядел помолодевшим. Он улыбался так, как, кажется, не улыбался никогда, а Миранда так спокойно вела себя исключительно у него на руках. Она даже перестала играть с его прядью и сейчас только агукала, очень активно. Ей нравилось, что отец ее слушает.

— Ты о чем? — улыбнулся Сезар, качая дочь на руках.

Это ей очень нравилось. А еще нравилось, когда он дул ей в животик и рычал: первый раз когда Соня это увидела, она чуть не отобрала у него ребенка. Но потом поняла, что Миранду это приводит в дикий восторг: она заливалась смехом — так, как умеют только маленькие дети. Еще они умеют кричать полночи, делать свои дела в только что перестеленную постель и постоянно требовать еды. Если бы не Сезар, она бы, наверное, сошла с ума, но он давал ей поспать, занимаясь всем тем, чем обычно мужчины не занимаются, а особенно в прошлом наследные принцы — пеленками, купанием, кормлением посреди ночи сцеженным молоком. Как только Мира открывала рот, чтобы заплакать, он оказывался рядом.

— О том, что ты позволяешь ей тянуть себя за волосы.

— Она это не больно делает.

— Ну конечно, — хмыкнула Соня.

— Правда. Пойдем на прогулку? Пока солнце и тепло, у нас здесь не то чтобы долгое лето.

На севере лето и правда короткое, Соня прекрасно знала это еще по земной жизни. Ярл выбрал родину матери Ленор в качестве убежища, потому что здесь их вряд ли стали бы искать: кто в своем уме захочет скрываться на севере? Но все равно приходилось быть крайне осторожными, особенно в новых знакомствах. Которых по той самой причине не было.

За эти несколько месяцев они стали не просто друзьями, они все стали семьей. Ярл, Женевьев, она, Сезар, Амир и

Амира. Как с ними оказалась эта девчонка — отдельная песня, но факт оставался фактом. Они были против Фергана, а значит, против всего мира.

После смерти родителей и брата, к которой Ферган явно приложил лапу — на фоне всего творящегося Анадоррский завоевывал все больше симпатий как среди военных, так и среди простого народа, как у людей, так и у драконов, Женеьев очень долго приходила в себя. Поначалу она отказывалась бежать, как Ярду удалось ее уговорить, одной Тамее известно. Потом ругала себя за то, что бросила их, хотя бросать, по сути, было уже некого.

В смерти Анадоррских обвинили заговорщиков во главе с Люцианом, и именно этот факт напрямую указывал на причастность Фергана ко всему, что происходит. Он убирал всех, кто ему мешал и стирал из истории тех, кто еще может помешать. А впрочем, Люциан уже никому не помешает.

— Соня? — словно почувствовав ее состояние, Сезар поднялся и подошел к ней вместе с малышкой.

— Да. Да, ты прав, пойдем гулять, — Соня тряхнула головой и поднялась. — Давай сюда принцессу, я ее переодену.

— Я могу это сделать.

— Нет уж, меня скоро обвинят в том, что я никчемная мать. Ты вообще меня к ней не подпускаешь.

— Кто тебя обвинит? — усмехнулся Сезар.

— Не знаю. Высшие силы. Я сама.

— Последнее более чем вероятно.

— Что ты хочешь этим сказать? — ошетинулась Соня.

— Ничего, — Сезар вручил ей Миру. — Забегу ненадолго к себе и вернусь.

Они жили в одном доме, но в разных квартирах: он на четвертом этаже, под самой крышей, она — на втором, с видом на булочную и рынок. Его квартира была более холодной и тесной, Соня же успела здесь все «обуютить», как он выразился. Сезар вообще на редкость быстро нахватался земных словечек, особенно когда между ними не осталось межмировой недосказанности, и сейчас звучал так, как будто они попали в этот мир вместе.

Устроив Миру поверх чистой пеленки на столе, который был и письменным, и обеденным, и пеленальным, Соня напевала песенку, которую помнила из детства:

*— Маленькая девочка у мамы появилась,
В тот же день и в тот же час она в нее влюбилась.
Сразу в тот же миг, как на руки взяла,
Мама одну истину в мгновение поняла!
Ей досталась девочка, лучшая на свете,
Вы только посмотрите на ручки и ножки эти!*

Дочь внимала пению так осмысленно, как будто все понимала. Соня с улыбкой поцеловала маленькие пальчики и натянула прогулочные штанишки, а сверху — легкую курточку.

*— Вы только посмотрите, какие у девочки глазки,
Как у принцессы просто, как в самой красивой сказке!*

Подхватив малышку на руки, Соня закружилась с ней по комнате.

— Ну вот мы и готовы! Правда, летом собираться лучше, чем зимой, солнышко? Не надо надевать на себя все эти большие пу-у-шистые вещи! Одну за другой!

Она подула дочери в живот, но рык не получился. Мира агукнула и вцепилась в выбившуюся из пучка прядь.

— Ы... — многозначительно сказала Соня. — Дочь. Давай я тебе игрушку дам?

Погремущка валялась в кроватке, но Мира держала крепко.

— Дочь! — Пришлось осторожно разжимать маленькие пальчики. — Имей совесть!

Судя по блеску в глазах, совесть дочь давно поимела. И, стоило игрушке оказаться в ее ручке, как она запустила ее через всю комнату и чуть не попала в зеркало. После чего залилась плачем.

— Где твой папа?! — вот теперь натурально взрычала Соня. — Я уже ребенка успела переодеть! «Ненадолго!» — передразнила она Сезара. — Это называется «ненадолго»?! А знаешь что? Пойдем к нему в гости! А потом сразу гулять.

Дом, в котором они жили, располагался не на самой окраине города, но и не в центре. Высотой в четыре этажа, он напоминал не то сталинку, не то хрущевку по конструкции, а слышимость в нем была как в панельном. Поэтому Соне часто прилетало за плач малышки, одно радовало — Сезар

быстро ее утешал. Но недовольные оставались все равно, вот и сейчас, когда Соня шла к лестнице, распахнулась скрипучая дверь, и в коридор выглянула старуха-соседка.

— Нагуляла невесть от кого! — каркнула она сквозь щербины зубов. — Ишь, бесстыжая!

— И вам не хворать, — шепотом сквозь зубы ответила Соня.

Сделала вид, что спускается, и, когда старуха захлопнула дверь, скользнула по лестнице вверх. Она едва ступила на четвертый этаж, когда из квартиры Сезара выпорхнула молодая женщина. Соня едва успела отпрянуть, скользнуть в тень нишевого коридорного аппендикса, а та уже устремилась к лестнице. Не заметив ее, прошла мимо, окатив ярким ароматом духов.

Забегу ненадолго к себе? Это называется «забегу ненадолго к себе»?! Как только стихли шаги, Соня прижала Миру к себе и быстро побежала вниз по лестнице. Она так торопилась, что забыла даже взять магическую корзинку, которая обычно парила рядом с ней во время прогулки. Мире очень нравились такие «полеты», сейчас же она раскричалась так, что ее, наверное, слышали все четыре этажа.

Оказавшись на улице, Соня огляделась и бросилась направо. Там узенькая улочка Портуале разветвлялась, оставляя позади торгово-жилой квартал, один из рукавов тянулся к самому сердцу города, другой, уводил в сторону другого района, где жили Ярл, Женевьев и Амир с Амирой. Все

в разных домах, но недалеко друг от друга. Разделиться было необходимо, после случившегося в столице их явно искали бы. Хотя Люциан был объявлен вне закона, о них ничего столь громкого не сообщалось — то ли Ферган оставлял себе пространство для маневров на всякий случай, то ли по какой-то другой причине, о которой Соня не догадывалась и даже не хотела думать.

Именно здесь, в Портуале, она впервые по-настоящему осознала, насколько устала ото всех этих интриг и игр к власти приближенных. Насколько ей хочется просто растить дочь, просто жить день за днем, встречать закаты и рассветы, наслаждаться мгновениями, а когда Мира подрастет найти дело себе по душе.

Сейчас их полностью обеспечивал Сезар, и Соня не стала отказываться, она представляла, как сложно на новом месте найти работу, особенно если ты «незамужняя» девушка с ребенком в Даррании. В лучшем случае ее взяли бы в поломойки или обслугой в таверны сомнительного качества. Сезар делал все, чтобы ей ни о чем таком даже думать не приходилось, и Соня понемногу оттаивала. Оттаивала, видя его отношение к дочери, его отношение к ней. Она даже иногда думала: а что, если?.. Как выяснилось, никаких «если» быть не могло.

Сезар принял ее условие, что между ними больше ничего не будет, и живет дальше. Вон, в перерывах между встречами с дочерью, к нему забегают всякие... фу, гадость! Оставалось

надеяться, что он хотя бы руки после них моет, перед тем, как прикасаться к Мире! Вот вроде бы Соню это волновать не должно было, а почему-то волновало. Злило. Раздражало неимоверно! Если не сказать больше...

На энергии этой ярости она долетела до дома, где жила Женевьев, даже не заметив тяжести дочки, которую несла на руках: раньше от такой пробежки у нее бы спина отвалилась. Жен жила в доме, на первом этаже которого располагалась таверна с говорящим названием «Безумный дракон». Дракон на вывеске и правда был безумный: с оскаленными глазами, раззявленной пастью, торчащей чешуей и растопыренными крыльями.

Не нужно было обладать выдающимися умственными способностями, чтобы по этой вывеске угадать отношение владельца к драконам. Из портальной точки, установленной в переулке между домом Анадоррской и соседним, вывалился вдрызг пьяный мужчина и ломанулся в таверну. Соня едва успела отскочить и в отчаянии вскинула голову: оставалось надеяться, что сейчас Жен дома и ни с кем не занимается — лето все-таки!

В отличие от нее Женевьев обеспечивала себя сама, к ней ходили заниматься местные ребяташки, которые плохо разбирались в том или ином предмете. Брала она относительно немного за такую помощь, поэтому отбоя от желающих у нее не было. К такому репетитору приходили по сарафанному радио.

Если бы не вся их ситуация, она могла бы устроиться в местный университет, то есть академию Роусдел. Они занимались магической наукой, но, по понятной причине, светиться Женеви́ев не хотела. Даже несмотря на то, что обрезала свои роскошные золотые волосы по плечи, а цвет волос и цвет глаз ежедневно меняла при помощи магии: встретив ее на улице никто не узнал бы в статной зеленоглазой шатенке наследницу Анадорских.

Поднявшись на второй этаж, Соня постучала и с надеждой прислушалась. Раздались шаги, Женеви́ев распахнула дверь и опешила:

— Соня?

— Была рядом, решила зайти, — легко пробормотала она ложь. Свое имя Соня решила не менять, тем более что в Хэвенсграде ее все знали, как Софию Драконову, а не как Соню Драгунову. Что же касается внешности... молодая мама, вечно занятая ребенком, уж точно ни у кого бы не проассоциировалась с роскошной красоткой Софией Драконовой. Некогда самой популярной девчонкой в академии Драконова, а теперь дочерью заговорщика Ивана Драконова, соучастницей заговорщика Люциана Драгона, подругой объявленной особо опасной Лены Харитоновой, занявшей тело Ленор Ларо, и дальше по списку.

— М-м-м... хорошо, — Женеви́ев почему-то закусила губу и не спешила отступать, а Соня почувствовала себя неловко.

— Я не вовремя? У тебя занятие? — спросила она, прижимая к себе Миранду. Только сейчас Соня по-настоящему ощутила, насколько дочь на самом деле тяжеленькая и как ей хочется куда-нибудь сесть, чтобы отдохнуть.

— Жен, кто это? — В небольшой коридорчик выскользнула Амира, и Соня почувствовала себя еще более странно. Глаза у девчонки округлились, ну просто картина Репина «Не ждали».

Сегодня что, день такой, что ли? Сезар таскается по девицам, а Женеви́ев, вместо того, чтобы пригласить ее в гости или прийти самой, встречается с этой Амирой, из-за которой, можно сказать, все и произошло на том самом балу!

— Я не вовремя, поняла, — сухо повторила она, — пока. Развернулась, чтобы уйти, но Женеви́ев перехватила ее за локоть:

— Соня, ты куда? Заходи, попьем вместе ранх. Я только что его заварила.

Проходить уже не хотелось, но изображать дующуюся клушу хотелось еще меньше: невероятно ныли плечи и спина. Притихшая Мира, судя по суксившемуся личику, готовилась закатить очередной концерт, и Соня сдалась.

— Хорошо, — сказала она, проходя в комнату. У Женеви́ев квартира была примерно такая же, как у нее, разве что потолки повыше. В доме было всего два этажа, и сквозь огромное окно сейчас лился дневной теплый свет, растекаясь по кухне-спальне-гостиной. Небольшой круглый стол

был накрыт, два жестких стула с криво сколоченными спинками отодвинуты. Тарелка с печеньем, по чашкам был уже разлит ранх. Женевьев полезла на полку за третьей, на бегу кивнув Соне на кровать:

— Располагайтесь.

Устроить Миру поверх мягкого покрывала было невыносимым блаженством. Дочь принялась разглядывать солнечного зайчика, возникшего от покачивающейся на шторе бусинки. Она бы с огромным удовольствием сама вытянулась на этой кровати и смотрела на этого зайчика, но...

— Держи, — Женевьев протянула ей чашку с блюдцем.

— Или, если хочешь, садись за стол. Я постою.

— Да нет, меня все устраивает, — Соня, не сдержавшись, зевнула, но тут же прикрыла рот ладонью. — Простите.

— Можешь не извиняться, — Женевьев зевнула в ответ.

— Я сама не спала полночи. У меня под окнами пели «Жена моя не драконесса».

Соня не выдержала и хохотнула. Эта песенка из просто-народья была особенно любима среди завсегдатаев таверны. Когда она закрывалась, и задержавшихся посетителей выставляли на улицу, они продолжали празднование прямо на улице. Стражи порядка очень любили эти места за многочисленные аресты, позволяющие выполнять планы по штрафам, а особенно за взятки. Те, кто не хотел проводить ночь в камере, охотно платили за то, чтобы их отпустили. А потом снова приходили и пьяные распевали под окнами, и так по

кругу.

— Может, все-таки подумаешь о том, чтобы переехать? — предложила Амира. Она села на стул и закусила губу, напомнив Соне о своем присутствии и обо всем, что тут происходило до нее.

— Ко мне недавно снова приходили из Роусдела, предлагали просторную квартиру в городке при Академии. Плюсом к оплате, если я соглашусь у них работать.

— Соглашайся, — сказала Соня. — Никто тебя не узнает. Я бы вот не узнала.

Женевьев с Амирой переглянулись.

Ну вот снова. Что это такое?!

— Я точно вам не мешаю? — уточнила она, звякнув чашкой о блюде: горячий ранх обжег губы. Соня поставила тарелочку на пол и посмотрела на Женевьев в упор.

— Что? Нет, — покачала головой та. — Просто мы говорили о том, о чем пока не хотели тебе рассказывать. Потому что мы не уверены, и у тебя ребенок...

О господи.

— Что случилось? — побелев, спросила Соня. — Стало что-то известно о Люциане? О Лене? Они...

Живы? Погибли? Она не смогла вытолкнуть из себя ни один вариант.

— Нет. Нет! — воскликнула Женевьев. — Ты что?! Такое мы бы сразу сказали!

Сердце дернулось в груди и вернулось к нормальному рит-

му.

— Тогда что?

Амира пожевала губы и ответила вместо Женевьев:

— Нам кажется, что Ярд, Амир и Сезар... они... ну... что-то замышляют. Что-то опасное. Снова.

Глава 2

Люциан Драгон

Рассветы в горах и предместьях гор просто невероятные. Они не идут ни в какое сравнение с тем, что можно увидеть в городе или даже на побережье. Хотя побережье Эллейских островов отличается особенной красотой, горы — это нечто невероятное. Сидя на камне, он наблюдал за тем, как над ними раскаляется небо. Сначала становится бледно-желтым, сдвигая густую синеву ночи наверх, потом ярче, еще ярче, набирая цвет, словно впитывает краски из этих живописных мест.

Немагические земли каани стали для него очередным испытанием: не чувствовать магию было сложно. Особенно сложно было смириться со знанием, которое ему открыли в первый же день, после того, как он рассказал свою историю — чем дольше они находятся здесь, тем больше вероятность того, что он навсегда утратит магию. Но он не ушел. Потому что оставить ее, особенно после всего, что было, Люциан просто не мог. Он хотел быть рядом, когда она придет в себя.

Первое время было очень тяжело: возвращаясь из забвения Лена осыпала его такими оскорблениями и желала столько всего хорошего, что стимула оставаться было все меньше и меньше. Еще меньше его становилось, когда внутри затихали остатки магии, словно шепчущей: «За что ты меня преда-

ешь?» Потом не стало даже их, а каани все-таки разрешили ему прийти в их селение и пожить там.

— Если хочешь здесь жить, будешь работать наравне со всеми, — сказала Амани, их главная, когда спустя пару недель поняла, что он не уйдет. В то время Люциана пускали в их город только для того, чтобы повидаться с Леной, раз в два дня. И то, под конвоем. Он научился охотиться и готовить на костре, отличать полезные ягоды от ядовитых (однажды он пришел в себя после того, как одна из каани влила ему в рот противоядие). Именно после того случая Амани и пригласила его жить с ними, но поставила такое условие.

И он работал, выполнял большую часть грязной работы «по дому» вместе с остальными мужчинами, тогда как женщины охотились и практиковались в обращении с оружием. Магии здесь не было, поэтому в ходу были луки и стрелы, кинжалы и мечи, выкованные теми же самыми мужчинами, которые спокойно принимали такое положение дел. В этом перевернутом с ног на голову мире Люциан оставался только ради нее. Несмотря ни на что.

Когда становилось совсем тошно, он ночами повторял боевые приемы, которым его обучали на военной кафедре. Бегал. Подтягивался. Отжимался. Такая активность освежала разум и тело ничуть не хуже магической, освобождала от тяжелых мыслей и помогала после очередных проклятий Лены на его голову.

— Так и знала, что ты не уйдешь, — хмыкнула Амани, и

он поднялся с камня.

Женщина спускалась к нему по растрескавшейся тропинке: давно не было дождя, и земля подсохла.

— Она собралась уходить?

— Да, и пойдет этой самой дорогой, сразу же после рассвета. Поэтому если не хочешь быть замеченным, прячься, — она протянула ему увесистый мешок. — Здесь еда на несколько дней пути, хлеб и вяленое мясо, фляга с водой, но с водой проблем быть не должно. Тебя научили и как ее искать, и чем заменить.

Это правда. Жизнь здесь его многому научила. Совершенно бесполезным для тэрн-ара вещам, но очень полезным для того, кто оказывается в глуши на грани выживания. Каани же заставили его постричься: при всей их дикарской натуре они были помешаны на гигиене и чистоте. Купались два раза на дню, мыли свои длинные густые волосы и плели их в косы, а мужчины должны были всегда быть гладко выбритыми и коротко стриженными.

— Спасибо, — произнес он, принимая из ее рук мешок.

— Удачи, — хмыкнула женщина. — Зная Элени... она тебе еще потребуется.

Элени уже лучше чем Елена.

Вслух Люциан этого говорить не стал, тем более что Ама-ни уже приложила ладонь к его лбу — так прощались и благословляли в их племени, а потом зашагала обратно к тропинке, ведущей в горы. В свое время он поразился ловкости

и силе этих женщин, которым могли бы позавидовать многие военные драконы. При том, что ни одна из них не была наделена магией, выносливости им было не занимать. Физически крепкие, они могли дать фору любому мужчине в драке или в сражении, а еще знали, как нажатием на определенные точки на теле обезвредить и уложить или убить любого за пару минут. При этом каани так же умело управлялись с любыми видами оружия и в целом были отличными воинами.

Следуя совету одной из них, он скрылся в тени излома одной из гор. Дожидаясь Лену, он много всего передумал. О том, что если бы не сбой в артефакте, настроенном Ярдом, они могли бы быть сейчас в совершенно другом месте. Адергайн вмешался в переход и нарушил схему, но, к счастью, удержать их у него не получилось. А если бы не вмешался...

Он снова и снова прокручивал в голове вариант развития событий, в котором они оказывались там, где должны оказаться. И снова и снова приходил к выходу, что удержать Лену там они бы не смогли. Всех их сил не хватило бы, чтобы сдержать то, что ей управляло. То, что превращало ее в Елену.

Даже немагические земли, вытягивающие из нее эту тьму по капле, не сразу смогли помочь. А по-другому... по-другому они бы не справились. Он смотрел за петляющей и теряющейся в долине среди густых трав дорожкой. Невыносимо хотелось спать: здесь в горах такое случалось часто, первое время от местного воздуха кружилась голова, а ноги и руки

наливались непривычной тяжестью. Сложно не заснуть, когда нечего делать, а вокруг бесконечная тишина и нетронутая ни магией, ни людьми, природа.

Здесь здорово помогли гарнизонные будни: когда приходилось не спать, оберегая остальных от потенциального нападения, под давлением близости тьмы. Равно как помогли и обострившиеся за время жизни с каани и благодаря обучению на военном факультете инстинкты — Люциан услышал ее шаги раньше, чем Лена появилась в поле его зрения.

Достаточно далеко, и ему надо было, чтобы она ушла еще дальше. Чтобы у него была возможность следовать за ней и оставаться незамеченным.

— *Ты должен уйти.*

— *Кому?*

— *Мне.*

— *Тебе я точно ничего не должен, Лена.*

Они смотрели друг на друга в упор, стоя так близко, как только возможно. Он чувствовал тепло ее тела сильнее, чем жар костра.

— *Хорошо. Тогда уйду я.*

— *Почему с тобой так сложно?*

— *А с тобой легко?* — хмыкнула она. — *Оставайся, тебе понравится. Ты же любишь подчиняться, Люциан.*

Он прищурился, а Лена уже развернулась и ушла к остальным. К Амани, к другим женищинам, куда вход ему — как мужчине — совершенно точно был запрещен. На один

короткий миг ему показалось, что он действительно готов уйти. Амани обещала дать ему проводников, которые выведут к магическим землям, но... Потом он вспомнил себя. Больше всего бьют те, кому до одури больно самим.

Поэтому он собрался и ушел, но не от нее, а вниз. В долине было что есть, горные ручьи щедро несли питьевую воду, спать в пещерах и под открытым небом он привык, равно как и охотиться, и добывать себе еду. А через пару дней к нему спустилась Амани, чтобы сказать, что Лена уходит тоже. Он этому абсолютно не удивился, как и тому, что она уходит одна. Разумеется, отказалась от проводника. Потому что Амани наверняка предлагала.

Куда бы она ни шла, он пойдет за ней. Что бы ни случилось, он будет рядом. Однажды Люциан себе в этом поклялся, хотя и не подозревал, что это будет настолько сложно. И в то же время просто, потому что нет ничего более естественного чем следовать за той, кого ты любишь, когда ей нужна помощь. Даже если она сама ни за что в этом не признается.

Лена

Дорога до «немагического» домика займет неделю-полторы. Так сказала Амани, когда я подробнее объяснила ей про те места, в которые меня однажды выкинуло вместе с Люцианом. Сам Люциан должен был уже быть на пути к цивилизованному миру, в котором мне больше не было места. Если честно, я не была уверена, что оно вообще где-то для меня есть. Тете Оле я была нужна как собаке пятая нога, она дела-

ла то, что должна, чтобы не чувствовать себя сукой. Попав в Дарранию, я ненадолго поверила в то, что могу начать новую жизнь, но выяснилось, что это тоже была всего лишь иллюзия. В моей жизни было столько надежд и разочарований, что сейчас я хотела только одного: остаться одной там, где я никогда никому больше не причиню боли. И, будем честны, где никто больше не причинит боль мне.

Странное дело, но чем дальше я удалялась от гор каани, тем отчетливее понимала, что это правильно. Потому что рано или поздно я бы привела беду и туда, куда не решались сунуться даже самые сильнейшие маги. По понятной причине. Тем не менее чем дальше я буду от любой цивилизации и ото всех, кто может по моей милости пострадать, тем лучше.

Адергайн будет меня искать, в этом я не сомневалась, но вряд ли он будет делать это в немагических землях. Потому что никто в здравом уме даже представить не может, что кто-то захочет отказаться от даруемого магией могущества. Особенно от такого, которое жило во мне. Такой как Адергайн этого точно никогда не поймет. Валентайн — да, он мог бы понять и мог бы меня найти, но Валентайна больше нет, а место в моем сердце, которое было занято им, сейчас напоминает те самые Мертвые земли.

Мне бы сейчас к психологу, но в Даррании психологов не было, а если бы и были, любой из них удавился бы на первом же сеансе со мной. Ну или как минимум напился бы, чтобы забыть все то, что я могла ему или ей рассказать. Сейчас мне

оставалось только говорить с самой собой, и меня это странным образом успокаивало. Когда я пересказывала все, что со мной произошло, это было как писать дневник и отпускать события, которые перекроили меня из Лены Харитоновой в Ленор, из Ленор обратно в Лену, потому в Елену и, наконец, в Элени.

Элени была квинтэссенцией всех моих ипостасей, собранной воедино. Этакий трансформер, в котором замиксовали свет и тьму, любовь и ненависть, спасение жизни и убийства, радости и слезы, нежность и жестокость. На Земле психиатры боролись бы за то, чтобы изучать мой случай, а может быть, про меня даже сняли бы фильм, что-то вроде истории Ганнибала Лектора. Или я просто себя переоценила, что тоже вероятно.

— Привет, Ленор, — сказала я, бодро шагая по густой траве: дорог здесь не было, магии, чтобы ее подраздвинуть — тоже. — На чем мы там остановились вчера?

Разумеется, Ленор мне не отвечала, но иногда я отвечала себе за нее.

— А, да. На моменте, когда я впервые проснулась у каани. Это было самое дикое мое пробуждение. В голове словно плескалась раскаленная лава, невыносимо хотелось пить, а от клубящейся внутри ярости сводило скулы. Я лежала на каких-то шкурах, в хаанту: так назывались дома-шатры каани. Они вообще любили двойные гласные, в их языке их было бесчисленное множество.

Надо мной склонялась молоденькая каани, и я рывком вцепилась ей в горло, но магия не отозвалась на призыв. Я чувствовала внутри ее фантомные отголоски и зверела от этого. Девушка захрипела, вцепившись ладонями в мою руку, а потом резко ударила в грудь. Ожегшая меня боль заставила ослабить хватку, а в следующий момент каани уже «плюнула» в меня усыпляющим дротиком из висящей на шее трубочки.

— Мило было, правда? — усмехнулась я, как будто Ленор могла мне ответить. — Тебе бы такое точно не понравилось. Ты у нас неженка.

Которая отдала свою жизнь за Люциана.

Которую убила я.

— Знаешь, мне тебя не хватает, — призналась я, — даже твоего нытья. Когда ты была, я этого не ценила. Сейчас нам с тобой вдвоем было бы веселее.

Хотя если бы она была, с наибольшей вероятностью, я бы сейчас шла в ту же сторону, что и Люциан. Или...

У Ленор все равно не было ни единого шанса выжить в этой схватке. Если бы это не сделала я, ее бы убил Валентайн.

— Ты делала меня лучше, — подвела итог я.

Дневной привал я устроила в лесу: к счастью, здесь было где укрыться от солнца. Жевала вяленое мясо и хлеб, запивала водой из фляги и задумчиво смотрела на уходящую вдаль дорогу. Бескрайнюю и, на первый взгляд, бесконечную. У меня была еда на первые несколько дней пути, даль-

ше надо было охотиться, но охота меня не пугала. За время жизни у каани я научилась стрелять из лука, охотиться с кинжалом, с копьями — на рыбу. Так что за свой желудок (в отличие от рассудка) я не опасалась. Но, если мне и суждено спятить, я сделаю это в гордом одиночестве, и этого никто не увидит. Мне даже удалось немного подремать, и, когда палящее летнее солнце перестало быть таким палящим, я поднялась и пошла дальше.

Ночевала я, натянув гамак между деревьями: этот проклятый гамак занимал большую часть моей ноши и весил больше всего, но благодаря школе жизни в горах я прекрасно понимала, когда на земле лучше не спать. Змеи и хищники с удовольствием доделали бы то, что не доделала тьма, а умирать я пока не хотела.

Несмотря на то, что в гамаке можно было относительно расслабиться, ночью меня словно подбросило от ощущения чьего-то присутствия. Чьей-то близости. Я открыла глаза и увидела стоящего внизу Валентайна.

— Наконец-то, Лена, — произнес он.

То, что это сон, я поняла сразу. В конце концов, это не могло быть ничем иным, кроме сна.

— Ух ты, — сказала я. — Давно не виделись.

— Да. Действительно давно. Спустишься?

— Вот еще, — я посмотрела на него сверху вниз. В конце концов, бредовый сон — еще не повод выпрыгивать из гамака, потом в этом самом сне придется лезть обратно на

дерево.

Валентайн усмехнулся. Во сне он был именно таким, каким всегда был в Даррании: длинные темные волосы, глаза, в которых то серебрится набирающая силу темная магия, то отступает. На нем был знакомый до одури черный костюм, черный жилет, и от него веяло знакомой опасностью. Той, что перекрыла мне кислород, когда мы впервые встретились с ним на балу.

— Будем говорить так?

— Не знаю, как насчет тебя, но лично я не собираюсь с тобой говорить.

Он протянул мне руку, и меня снесло с дерева, хотя магии в этих местах не могло быть просто физически. Я оказалась в его объятиях раньше, чем успела вздохнуть, и мое тело отозвалось на это подсознательным ужасом и больным желанием прижаться к нему. Снова почувствовать, что он жив, снова ощутить эту силу и власть, которой надо мной обладал Валентайн Альгор.

— Я всегда говорил, что ты моя, — хрипло произнес он, и его слова зазмеились по моей коже. Они проникали под одежду, впитывались в меня, заставляя дрожать от ярости и от предвкушения.

Да, как я уже говорила, Элени была соткана из противоречий, и одно из них сейчас полыхало ядом в моей крови. Я зажмурилась, стараясь отогнать сновидение, вышвырнуть это наваждение из моего разума, с каждой минутой затяги-

вающего все сильнее. Горячие губы обожгли мою шею, горячие ладони скользнули под тунику.

— Ты — моя, и так будет всегда, — произнес Валентайн. Я вдавила ладони в его грудь, рывком отталкивая от себя: — Нет!

И меня вышвырнуло из сна. То ли из-за духоты ночи, то ли из-за предстоящего мне одиночества меня накрыло этим кошмаром. В горах, у каани, Валентайн мне не снился, и я испытала позорное желание спрыгнуть с дерева и бежать обратно. Туда, где мое прошлое, будущее и настоящее не имело значения.

— Ты — настоящий воин, Элени, — говорила Амани, — если ты останешься с нами, мы примем тебя как родную. Любая из нас будет защищать тебя, как сестру по крови и племени.

Именно этого я и боялась. Именно поэтому я и ушла.

Сглотнув, повернулась набок и попыталась заснуть, но сон не шел. Напротив, теперь я слышала стрекотание насекомых, шорохи внизу, как если бы их усилили десятикратно. Громко хрустнула ветка, и я подскочила. Пара движений, и я уже на земле, ладонь сжалась на рукоятке кинжала, с которым я не расставалась.

— Эй, — хрипло сказала я.

Зверей здесь было не так много, но некоторые из них — смертельно опасные. Я могла по памяти перечислить их всех, как будто завтра шла на экзамен, но сейчас поблизости не

было никого. Только в траве прошуршала змея, где-то наверху закричала птица.

— Да, Лена, — хрипло сказала я. — Воин из тебя отменный.

«Да я и не претендую», — мысленно ответила сама себе.

И полезла обратно на дерево. К счастью, в этих краях не было тех, кто умеет лазить по деревьям, поэтому я могла спать спокойно. Ну... относительно. А ощущение чужого присутствия меня не покидало исключительно из-за слишком реалистичного сна, благодаря которому я до сих пор чувствовала прикосновения Валентайна. В простонародье о таком говорят «показалось».

Я закрыла глаза и постаралась отрешиться от того, что со мной творилось в мою первую за долгое время ночь одиночества, и мне даже это удалось. Станным образом ощущение присутствия не прошло, но, сколько бы я ни открывала глаза, напряженно вглядываясь в окружающую меня ночную темноту, никто не спешил выскакивать мне навстречу, никто не собирался нападать. Это была не первая и не последняя странность, я уверена, но в звенящей ночной тишине мне вдруг стало удивительно легко и спокойно. Настолько, что мои веки стали тяжелеть с каждой минутой, и я сама не заметила, как провалилась в сон.

Глава 3

Лена

Дорога к разрушенному домику моим ходом заняла чуть больше недели. За это время я успела и поголодать, и поохотиться, и влипнуть в режущий репей, потому что расслабилась. Или, скорее, напряглась, вспоминая сон с Валентайном. Я старалась о нем не думать, как и обо всем, что осталось за чертой прошлого, в буднях Елены, но не думать не получалось. С самых первых дней в Академии Валентайн присутствовал в моей жизни. Он был для меня и пугающим темным архимагом, и наваждением, и возлюбленным, и врагом... и каждый раз, когда все эти ипостаси в моей памяти смешивались воедино, возникало это странное чувство разделения меня на две половинки.

Не мне, конечно, говорить о двух половинках: особенно после того, как я активно делила тело с Ленор, но это было нечто совершенно иное. Одна моя часть стремилась его забыть, забыть все хорошее, что было между нами, все плохое, просто выжечь его из памяти, как я когда-то выжгла из себя Ленор. Тогда как другая отчаянно боролась с болезненным притяжением и осознанием того, что его больше нет. По поводу своего психического здоровья я не питала иллюзий, поэтому была готова даже к раздвоению личности. В Даррании таких диагнозов не было, но я-то его знала. А еще я знала

термин «стокгольмский синдром». Разрушение, запущенное во мне со смертью Ленор и моими посиделками в Мертвых землях, приостановила заглушка, отрезавшая от меня всю магию — и темную, и светлую. Но я прекрасно понимала, что это временно, что стоит мне шагнуть на землю, где есть хотя бы частица магии, как я все разрушу.

Себя.

Друзей.

И весь мир.

К сожалению, это были не только слова. Я испытала и черную страсть, и ее последствия. Я помнила мысли и поступки Елены, в моей груди билось ее черное сердце, и, сколько бы я ни называла ее отдельной частью себя, она все так же оставалась моим вторым я. Поэтому я не хотела, чтобы Люциан шел со мной. Поэтому я не хотела идти к друзьям. Поэтому, а еще потому, что я знала, какие на самом деле у Адергайна на меня планы.

Временами у меня создавалось навязчивое ощущение чьего-то присутствия в этом пути, но я понимала, что это — всего лишь ощущение. На этих землях никого нет и никого никогда не будет. Кроме меня, моего безумия, ну и... возможно, еще Валентайн заглянет в гости. Во сне.

С помощью того самого безумия, потому что магия здесь бессильна, и даже случись ему выжить и делить тело с Адергайном, он бы меня здесь никогда не нашел. Никогда.

Увиденный домик произвел на меня неизгладимое впе-

чатление. Буквально. Пусть моя жизнь тогда была далека от идеала, а вывалились мы с Люцианом сюда после путешествия к алтарю Горрахона (а я еще и после знаковой встречи с Адергайном: мир твоим колечкам, мертвая овца), все равно это была другая я.

Другая я, которая умела чувствовать. Другая я, которая верила в то, что все будет хорошо. Для которой Адергайн все еще оставался далекой страшилкой, хоть и реальной, у которой была учеба в академии, расшатанные отношения с лучшей подругой и мужчина, который...

Я мысленно отвесила себе пощечину и зашагала в сторону полуразвалившегося жилища.

Мне предстояло его как следует осмотреть, выяснить, остались ли там какие-то полезные вещи вроде топора, гвоздей и рубанка. Такому меня у каани не учили, но, насколько я помнила, крыши там почти не осталось, а жить без крыши в принципе не лучшая идея. Во всех смыслах.

Буду учиться сама.

— Привет, родственная душа, — сказала я, похлопав домик по стене, — у тебя нет крыши, у меня нет крыши, все честно.

Дом мне предсказуемо не ответил, и я шагнула внутрь. Вопреки ожиданиям, здесь пахло не пылью, а полевыми цветами, немножко деревом и сыростью, но в целом, он сносно держался для того, кому так не повезло в жизни. Буду брать с него пример.

На кухне, которую я осматривала, все осталось по-прежнему, ничего полезного, пустые ящики и замызганная посуда на полках. В самом дальнем навесном шкафу, который вот-вот обещал упасть и повлечь за собой всю конструкцию, я обнаружила нож и две вилки.

Потрясающе, смогу даже пользоваться приборами. И будет запас, когда не захочется мыть посуду... На этой мысли я закрыла лицо руками и затряслась в приступе накрывшего меня смеха.

Посуду, Лена? Серьезно?

Я представила, как сижу и мою тарелки в ручье... который, надеюсь, не за пару километров от этого места. Хотя в сложившихся обстоятельствах пара километров — это, наверное, еще хорошо. Может быть и четыре, и все десять.

В гостиной обнаружился след от костра, который мы разводили с Люцианом, по лестнице, ведущей наверх, мог согласиться подняться только человек, знающий, что жить ему осталось пять минут и уже составивший завещание. Поэтому все, что мне оставалось — это...

— Будем действовать по порядку.

Я огляделась, чтобы понять, как лучше натянуть тент. Этот тент по весу соперничал с гамаком, но, по крайней мере, я не буду спать на полу и под открытым небом. А если повезет, то до зимы у меня появится нормальная крыша и камин. Хотя так далеко лучше не загадывать.

Я растягивала плотную ткань, когда услышала шелест. Ос-

новная проблема заключалась в том, что я не привыкла быть одна и на все звуки реагировала особенно остро, не говоря уже о том, что я не вполне отдавала себе отчет, где реальный звук, а где глюки. Но сейчас все-таки перехватила кинжал поудобнее и шагнула к покосившемуся окну.

Может быть, каани права, и это была плохая идея. Может быть, мое безумие настигнет меня раньше из-за того, что я одна. Но...

— Надо же. Банка все еще жива.

Я не заорала, услышав голос Люциана только потому, что лишилась дара речи.

— Не передумала?

Я прищурилась: он вошел в дом с таким видом, как будто это было само собой разумеющееся.

— Ты должен был уйти!

— Я не твой подчиненный, Лена, чтобы делать то, что ты мне скажешь, — Люциан окинул дом взглядом. — Так что?

Он издевается!

Он шел все это время за мной. Все это время, что мне казалось... мне не казалось!

— Я не буду жить здесь с тобой.

— Хочешь жить в лесу?

— Серьезно? — хмыкнула я. — Отправишь меня жить в лес?

— Зачем это мне? Твое соседство меня полностью устраивает. Если у тебя с этим проблемы, можешь жить где хочешь,

— он пожал плечами. — Но я бы настаивал на том, чтобы остаться здесь. В прошлый раз нас здесь ничто не убило.

Вместо ответа я сдернула натянутый наполовину тент и принялась сворачивать ткань так, чтобы запихнуть ее в свою походную сумку. Так называемый тент отказывался сворачиваться, я выругалась и шагнула к двери, но Люциан меня перехватил.

— Сейчас не время показывать характер, — произнес он, — тебе так не кажется?

— Я просила оставить меня в покое, — зло выдохнула я. — Я о многом просила?

— Да, — просто ответил Люциан. А потом привлек меня к себе, обнимая.

На меня разом нахлынули чувства, которых во мне не должно было быть: чувства той, другой Лены, которая когда-то ничего не знала о магии. Которая впервые оказалась в постели Люциана Драгона. Которая не знала о том, куда ее все это приведет. От такого контраста я на мгновение застыла, а потом попыталась вырваться. Люциан не отпустил, и тогда я сделала ему подсечку, роняя на прогнивший дощатый пол.

Спасибо каани, теперь я могла защищаться не только с помощью магии, правда, опомниться я не успела тоже. Люциан мгновенно перекатился ко мне и одним молниеносным движением уронил на себя, а после опрокинул меня на спину, пригвоздив ладонями мои запястья к полу.

— Так и будем драться, Лена? — прорычал он мне в лицо.

— Ну почему, ты можешь просто свалить, — процедила я.

— Не свалю. Прими это как данность.

— Ой ли?

В распластанном на полу положении не очень-то много места для замаха, поэтому я дернулась с криком:

— Пусти!

А когда он ослабил хватку, ударила ребрами ладоней по ушам и скинула его на пол. Пока Драгон приходил в себя, я одним движением вскочила на ноги и отошла подальше.

— Драхство! — выплюнул он, когда смог говорить. — Лена!

Я сложила руки на груди.

— Ты со мной жить не будешь.

— Ты не будешь жить одна.

— Это не тебе решать!

— Ты сейчас вообще не в состоянии что-то решать!

Он поднялся и снова оказался напротив меня.

— Драгон, — сказала я, ловя взглядом каждое его движение, даже самое крохотное, — девочки Лены больше нет. Той Лены, в которую ты был влюблен, которую хотел трахнуть, не суть. Ее больше нет, уясни это себе и оставь меня в покое.

— Я никогда не хотел тебя просто трахнуть, Лена! Ни тогда, ни сейчас. — Его глаза каким-то образом умудрились сверкнуть золотом. Возможно, просто так сработало заклат-

ное солнце, ворвавшееся в его радужку и раскалившее его взгляд. Или же это было просто мое воспоминание, наложившееся на настоящее. — И я не оставляю тебя в покое, по крайней мере, пока ты в таком раздрае. Уясни себе это и перестань смотреть на меня как на врага! Я никогда им для тебя не был.

— Ха, — сказала я.

— Только не начинай.

— Трижды ха.

Мы можем так простоять всю ночь, я это поняла: Люциан не собирался уходить, и он не уйдет. Что ж, ладно. Пусть остается. Уйду я, когда он заснет.

Отряхнув руки, я отвернулась и кивнула на дверь.

— Если хочешь помочь, принеси нам ужин.

— Чтобы ты сбежала, пока я хожу?

— Куда я отсюда сбегу?

Найду куда. Но не сейчас, по крайней мере, не на голодный желудок. Я шла весь день, я устала, у меня болят ноги, и бежать от Драгона в таком состоянии — просто глупость. Почему, ну почему он не может просто принять, что я потеряна навсегда? Почему с ним всегда так сложно?

Люциан пару минут смотрел на меня, и я вздернула бровь.

— Мне самой принести нам ужин, тэрн-ар?

Когда он наконец-то вышел, я устало вздохнула и опустилась на пол. Подтянула колени к груди, сдерживая дрожь пальцев: она рождалась на самых кончиках и растекалась по

всему телу. Прикосновения Люциана разбудили во мне не только воспоминания о моем прошлом, память тела воскресила чувственность, которой во мне было с избытком. Даже эти невинные прикосновения отозвались в самом низу живота первобытным, звериным желанием. В Мертвых землях я привыкла трахаться без ограничений, и не счесть тех минут, когда в землях каани я считала прыгающих со скалы в ледяной океан пингвинов, чтобы не наброситься на Драгона первой. Если не помогали пингины, я стояла под водопадом или сидела в горных озерах, пока не становилась синего цвета, но здесь озер не было. Как и водопадов. И вопрос, когда мы с ним трахнемся снова, оставался только вопросом времени. Точно так же, как и то, что первый же секс с ним сломает меня окончательно. Если не сказать — убьет.

Люциан вернулся к тому моменту, когда я собрала себя и свои мысли в кучу и снова натягивала тент. Дождя, вроде бы, пока не ожидалось, но дождь — дело такое. Особенно летом, тем более что в моей памяти еще были свежи воспоминания, как мы оба вымокли до нитки, и чем это кончилось.

— Правило первое, — сказала я, когда мы после ужина затушили костер, сидели на крыльце и смотрели на первые загорающиеся на небе звезды. — Никаких прикосновений. Я серьезно, Люциан. Мне это не нужно. Если ты попробуешь меня лапать, я уйду. Сразу же.

Желание бежать от него ночью уже поутихло, как и желание вообще куда-либо бежать. В моем представлении этот

полуразрушенный дом был конечным пунктом, дальше мой поезд не шел, и, можно сказать, у меня кончился уголь. Или вырубил всю электронику.

— Хорошо, — согласился он.

— Правило второе: никаких вопросов о том, как я себя чувствую, и так далее. Мне не нужна поддержка, и я не хочу об этом говорить. Ясно?

— Ясно.

Я посмотрела на него, ожидая услышать что-то в стиле: «Это все, или будут еще правила?» — но он молчал. Смотрел на простирающееся перед нами поле и молчал. Странное дело, в прошлом я отчаянно стремилась покинуть это место... мы стремились, мы бежали отсюда в поисках своей магии и свободы, а сейчас просто сидели тут рядом, как будто так и должно быть. И я просто не могла не подумать, а что случилось бы, если бы мы тогда никуда не пошли? Если бы нас не нашли? Если бы мы остались здесь сразу?

Могло ли все получиться иначе, или я и правда плясала под ниточками на пальцах Адергайна, как марионетка, все это время? И Валентайн — тоже.

— Правило третье, — сказала я. — Если так случится, что нас найдет Адергайн, ты меня убьешь.

— Ага. Обязательно.

— Ты говорил, что хочешь помочь, — сказала я. — Ты обещал, что поможешь. Говорил, что тебе не все равно.

— В мое «не все равно» не входило убийство женщины,

которую я люблю.

Я вспомнила мгновение, когда Валентайн просил его убить, и перед глазами на миг потемнело. Смогла бы я сделать это, если бы время откатилось назад, и у меня снова появилась такая возможность?

— Обещай, Люциан, — сказала я.

— Я никогда не стану этого обещать. — Он посмотрел на меня в упор. — Я никогда не причиню тебе вреда, Лена.

— Тебе все равно, что будет с Дарранией? Со всем миром? — уточнила я. — Даже если я стану причиной гибели всего, что ты знаешь и любишь?

— Понимаю, что сейчас тебе все видится в черном цвете, но может, не будем усугублять?

— Помнишь я говорила тебе о мирах? Которые он будет открывать один за другим с моей помощью? Использовать их, а после иссушать. Для него это будет всего лишь одно-другое тысячелетие вечной жизни, а для их обитателей — конец всего. Но суть ритуала, который поможет мне обрести могущество и открыть первый портал, цена этого — гибель этого мира. Здесь не останется никого. Ничего. Пустота.

Я сцепила ледяные руки на коленях.

— Давай представим, что Адергайн тебя не найдет. Он не сунется в земли без магии.

Он — нет. А Валентайн...

Валентайн мертв.

Я заставила себя сморгнуть эту мысль вместе со слезами,

которых во мне не осталось.

— Если он все-таки...

— Если он когда-нибудь приблизится к тебе, — его лицо стало незнакомым, звериным и хищным, — я убью его. Как тебе такой вариант?

Я моргнула.

— Хочешь бросить ему вызов?

— Он не бессмертный. Пока. Да, его сила во многом превосходит силу любого из тех, кого мы знаем, но у него тоже есть враги. Есть те, кто желает выйти из-под его власти. Избавиться от него. Знаешь, кто помог мне бежать и увести тебя из Мертвых земель? Тэйрен. Мы можем бегать от него всю жизнь, а можем бросить ему вызов и...

— Проиграть.

— Или выиграть.

— Ты считаешь, что это того стоит?

— Того, чтобы за тебя сражаться? — Люциан потянулся к моему лицу, но вспомнил первое правило и сжал кулак. — Да. Определенно.

Я усмехнулась и запрокинула голову. Смотреть на звезды и думать о том, что можно повернуть время вспять и то представлялось более реалистичным, чем предложенный Люцианом план. Но если ему нужна эта надежда — пусть. Пусть хотя бы у него будет надежда, потому что во мне ее не осталось.

Глава 4

Амильена Эстре

Первая встреча с Эдерхарном Мэллоу произвела на нее неизгладимое впечатление. За ней последовала еще одна, и еще, и еще, и, чем больше их было, тем спокойнее Амильена переносила этот ледяной пронизывающий холод, не имеющий ни малейшего отношения к темной магии. Руководитель ВНР легко обходился без магических манипуляций, в совершенстве овладев приемами психологического давления. Он приглашал ее к себе достаточно редко, и ничего хорошего от таких встреч ждать не приходилось. Во время первой он сообщил, что Амильена теперь его сотрудница. Во время второй — поблагодарил за отличную работу и сказал, что ее семья в безопасности. Это случилось после гибели Анадоррских, и она не раз и не два задавалась вопросом, какую роль во всем этом сыграли переданные ей сведения. Ощущать себя причастной к этому было ужасно, но еще ужаснее было то, что она не могла отказаться. Не могла сказать нет. Не делать того, что не хочется делать.

Третья встреча состоялась по поводу раскрытия заговора офицеров, которые были верны Анадоррскому. В настоящий момент они все были казнены, и именно она стала тому причиной, здесь не было никаких сомнений. Четвертая была предвестником ареста Драконовых. Фергану нужно было

найти и объявить виноватых, и, поскольку Иван Драконов исчез, в злоупотреблении темной магией обвинили его жену. Драконова была арестована вместе с младшей дочерью, Алиной, и сейчас они обе находились под стражей, ожидая суда.

Амильена сопровождала ее какое-то время, прежде чем агенты ВНР нашли, к чему прицепиться и повод для ареста. От всего этого ее уже тошнило. Ее тошнило от себя, потому что безопасность своей семьи, купленная ценой разрушения других, никогда не сможет себя оправдать. Потому что Мария доверяла ей, как и многие другие. Потому что все считали ее просто оказавшейся не в то время, не в том месте, лишившейся должности по воле злого рока. Ей сочувствовали в то время, как должны были ненавидеть. Так же, как сейчас ненавидела себя она.

— Амильена, прекрасно выглядишь, — Мэллоу делал ей комплименты исключительно по поводу задач, которые ставил, поэтому сейчас она мысленно скривилась. — Проходи. Садись.

Знакомый вид из окна его кабинета в Ведомстве — прекрасный, в настоящее время летний, Хэвенсград — уже набил оскомину, поэтому Амильена отвернулась от окна и посмотрела на него.

— Не в настроении? — хмыкнул Мэллоу.

— С каких это пор тебя интересует мое настроение?

Они перешли на ты во время второй встречи. Сложно общаться с ярко выраженным пиететом с мужчиной, которой

нагибает тебя прямо над столом. Это совершенно точно не входило в ее должностные обязанности, обязанности внешнего агента ВНР, но Мэллоу это не беспокоило. Он даже трахался как смотрел, безэмоционально, холодно, механически.

— Не в настроении, — подвел итог Эдерхарн. — Ладно, у меня есть для тебя кое-что интересное. Возможно, это тебя порадует.

Меня порадует, если ты свернешь себе шею, подумала Амильена. Но в ответ только коротко улыбнулась. В эту улыбку мог бы поверить ребенок, и то не факт, поэтому Мэллоу наградил ее тяжелым взглядом и подвинул к ней папку.

— Ты возвращаешься в Академию, — сказал он, и, когда Амильена замерла, не в силах поверить в услышанное, добавил: — Я же сказал. Тебе понравится.

Она перевела взгляд с него на папку и обратно. Если бы перед ней сидел кто-то еще, Амильена восприняла бы это как издевательство, но Эдерхарн Мэллоу был не из тех, кто позволяет подобные шуточки по поводу работы. Нет, издеваться он любил и умел, но только если в этом не были замешаны «дела государственные» и работа ВНР.

— Что это? — спросила она.

Вместо ответа он просто кивнул, и Амильена подтянула папку к себе. Это было досье, досье на Берроуза Вьерда. Правда, в скобочках стояла совсем другая фамилия, Берроуз Анадоррский. Она несколько раз перечитала, чтобы убе-

диться, что зрение ее не обманывает. Хотелось снова задать вопрос, который она задала только что, вместо этого Амильена углубилась в чтение.

Внебрачный ребенок Анадоррского, можно сказать, его первенец, если бы родился в законном браке. Сумасшествие какое-то! Но если верить собранным ВНР сведениям (а не верить им было просто бессмысленно, если кто-то и знал больше, чем они, то она их не знала), драконесса Танелия Фиоран тайно родила ребенка от Белавуарда Анадоррского. Поскольку у ребенка вполне очевидно проявилась бы мощная сила, ее родители выдали ее за дракона и приписали мальчику его фамилию, якобы это был его внебрачный сын от любовницы, которая умерла.

Гермут Вьерд принадлежал к древнему драконьему роду, увы, разорившемуся благодаря пристрастию к азартным играм, и брак с Танелией стал для него спасением. Поэтому он с удовольствием принял и ее, и ребенка. Малыш до определенного времени рос, не подозревая, кто его отец, пока однажды мать, как следует выпив, не выложила ему все.

Сейчас и отчим, и мать уже были мертвы, но Берроуз не спешил заявлять о своем родстве ни тогда, ни сейчас. Почему? Это оставалось загадкой.

— Симпатичная история, правда? Тебе нужно будет вернуться в Академию и подружиться с ним.

— Подружиться? — хмыкнула она.

— Чем ближе вы станете, тем лучше.

Так бы и сказал сразу, затащить бастарда Анадоррского в постель. Зачем?

— Хочешь, чтобы я помогла от него избавиться? — процедила Амильена. — Как от Марии Драконовой?

— Мария Драконова — мать Софии Драконовой, а София сбежала с одним из мятежных тэрн-аров. Возможно, сразу с двумя. Ее отец исчез. Вряд ли милые женщины их семейства настолько невинны, как ты о них думаешь.

Амильена скривилась.

— Анадоррский — для простоты будем называть его так, сам по себе интересный субъект. Себе на уме. Мне нужно, чтобы ты была рядом с ним и докладывала обо всем необычном, что увидишь или услышишь.

Ну разумеется. Все как обычно.

— На время работы с ним ты освобождаешься ото всех остальных обязанностей. Он будет твоей приоритетной задачей.

Даже так.

— Помимо его настроения меня интересуют возможные контакты с Женевьев Анадоррской. Мне известно, что он пытался с ней переговорить незадолго до того, как она исчезла, хотя ранее они не имели никаких точек соприкосновения. Возможно, они поговорили так или иначе, и если это так, мне нужно, чтобы ты выяснила, о чем.

Амильена захлопнула папку.

— Заберешь с собой и изучишь дома, — произнес Мэл-

лоу. — Здесь все, что тебе нужно о нем знать. Его интересы, предпочтения, все что он любит и ненавидит — начиная от бытовых вещей и заканчивая постелью.

Мило.

— Все это расчудесно, но как я вернусь в Академию? — усмехнулась она. — Насколько ты помнишь, я больше не ректор, ректор теперь он. И...

— У них как раз открылась вакансия на магистра драконьего языка. В связи с новыми ректорскими обязанностями Анадоррский ищет того, на кого можно перекинуть часть своих часов и адептов. Почему бы этим кем-то не стать тебе?

— Почему бы ему выбрать именно меня?

— Мы устроим так, что остальные — даже если он выберет кого-то другого, либо откажутся сами, либо не смогут приступить к занятиям. Но все же ты постарайся, и тогда, возможно, нам не придется идти на крайние меры.

«Вот только это не надо вешать на меня, — захотелось закричать ей, — все ваши грязные драховы методы!»

Увы, она уже давно погрязла в драховых методах, поэтому сейчас все, что ей оставалось — просто кивнуть. Амильена взяла папку и поднялась.

— Не затягивай, — Мэллоу кивнул, — встречи с кандидатами начнутся завтра, и ни у кого из кандидатов нет такой информации, как у тебя.

Папка жгла руки, и она с трудом подавила желание швырнуть ее ему прямо в лицо. Увы, эмоции и чувства никогда

не были хорошими советчиками, поэтому Амильена просто вышла за дверь. И направилась по знакомому, слишком хорошо знакомому ей коридору, к лестнице.

Коридоры академии были ей знакомы еще лучше. Она никогда не думала, что снова сюда вернется, и это оказалось больно. Почти физически. Прикасаться к тому, что когда-то было безумно дорого, к тому, что казалось потерянным навсегда. Без возврата. Амильена никогда не замечала за собой особой сентиментальности и желания драматизировать, но именно возвращение в академию стало для нее тем самым надломом, за которым появилось и первое, и второе. И призрак Валентайна тоже маячил здесь на каждом шагу. Она слишком хорошо помнила все их встречи, беседы, все, что между ними было — начиная со дня их знакомства, когда они оба были адептами, и заканчивая последней встречей. Знать бы, что она станет последней...

Но, наверное, если бы все могли знать о таком, этот мир превратился бы в идеальное место. Или в кошмар.

Ее узнавали. Кто-то здоровался, кто-то открывал рот и застывал, как под заклинанием. Кто-то шептался. В чьих-то глазах она читала непонимание, в чьих-то — злорадство. Злорадство — неотъемлемая составляющая бессилия, когда не остается ничего иного кроме как радоваться чужим поражениям и несчастьям.

Она не проводила встречи с кандидатами на пост преподавателей сама, но для нее сделали исключение. То ли из

уважения к ее бывшему статусу, то ли Вьерду тоже хотелось поиздеваться. Они пересекались не так часто, учитывая, что кафедра драконьего языка располагалась достаточно далеко от ее кабинета. Заведующим он стал не так давно, и вот тогда началось их активное взаимодействие. Учитывая характер Берроуза, оно не всегда выходило корректным. В том плане, что ставить его на место с помощью ректорских полномочий было приятно всегда.

Секретарь, которого Амильена видела впервые — высокий, светловолосый, в классическом костюме-тройке с налокотниками, поспешно поднялся.

— Я доложу, — сообщил он и нырнул в дверь, соединяющую приемную с ее кабинетом.

С ее *бывшим* кабинетом.

Он вернулся очень быстро.

— Вам придется подождать, они задерживаются, — сообщил он. — Сейчас вся эта суeta... Академию переименовывают, пытаются смягчить... вы же понимаете. Ну, в связи с Иваном Драконовым и его семьей...

Он понизил голос, и Амильена не стала отвечать. Просто опустила в кресло для посетителей, в одно из, в которых доводилось сидеть и нерадивым адептам, и магистрам, и просто гостям академии.

Судя по тому, что из-за двери не доносилось ни звука, на кабинете Берроуза Анадоррского, то есть Вьерда, стояло очень мощное Cubrire Silencial. Амильена огляделась по сто-

ронам: приемная осталась прежней, без изменений. Какова вероятность того, что ее кабинет *такой же*, каким она его помнит?

Впрочем, очень скоро ей представится возможность это узнать.

Или не очень?

Секретарь даже не предложил ей ранх или джмерг, а когда спустя довольно долгое время из кабинета потянулись те, с кем она лично беседовала, с кем совместно принимала решение — и все они смотрели на нее как на нечто совершенно не заслуживающее внимание, Амильена почувствовала, что у нее сдают нервы.

Секретарь снова нырнул в кабинет, а потом вернулся:
— Прошу, заходите.

Ее кабинет *изменился*. Настолько, насколько это вообще возможно, а вот магистр, то есть теперь уже ректор Берроуз Вьерд — нет. Потому что он посмотрел на нее, прищурившись, и знакомо саркастично изрек:

— Когда мне сказали, что вы претендуете на эту должность, я думал, что меня пытаются разыграть. Но нет, это действительно вы. Расскажите, как вы докатились до такой жизни?

Она подавила полыхнувшее в груди раздражение. В конце концов, оно ей сейчас не поможет и ничего не изменит. Не поможет вернуть себе жизнь, свободную от ВНР, жизнь, в которой она занималась тем, что дарило ей крылья — орга-

низацией обучения в академии, жизнь, которая больше ей не принадлежит и никогда не будет ее. Это все в прошлом. Теперь это кабинет Вьерда, и он выглядит как кабинет Вьерда. Здесь сделали ремонт, полностью сменили мебель, ее расстановку, преобладающие оттенки коричневого и темно-красного завершали новый образ этого места, кажущегося теперь чужим.

Несмотря на это все, несмотря на задание и обязанность уберечь свою семью от опасности, которой благодаря близкому знакомству с Валентайном Альгором и жестокой тупости Лики подвергались и сестра, и отец, Амильена замешкалась. Она не могла найти слов, в голове крутились какие-то бессвязные обрывки мыслей, начиная от слишком искреннего «я скучаю по академии» и заканчивая пустым злым «как-то так и докатилась».

— Боюсь, я не смогу принять решение по поводу вашей кандидатуры, если вы будете молчать. — Вьерд напомнил о себе знакомым сарказмом.

— Могли бы для начала пригласить меня сесть, — огрызнулась Амильена.

— О, вот это уже больше похоже на вас, — теперь уже ректор «Доброе утро» усмехнулся. — Садитесь.

Он даже кресло ей отодвинул, что, впрочем, тоже выглядело крайне саркастично. Она опустилась в него, и, когда мужчина устроился напротив, в своем, посмотрела в окно. Из-за того, что мебель переставили, вид теперь был другой.

Точнее, с места посетителя он и должен был быть другим, но Амильена прикинула, как это выглядит из *того, другого* кресла.

— Мне жизненно необходимо здесь работать, — сказала она, снова посмотрев на Вьерда.

Ростом он был чуть ниже Валентайна, смуглый и широкоплечий, Берроуз коротким стрижкам не изменял. Несмотря на вернувшуюся этой весной в столицу моду на волосы до плеч (у мужчин), он оставался верен себе, и сейчас его пряди пребывали в художественном беспорядке. Настолько в беспорядке, насколько это мог позволить себе ректор.

Он изогнул бровь:

— Такого ответа я точно не ожидал.

— А чего вы ждали?

— Чего-то снисходительно-возвышенного.

— Снисходительность я себе сейчас позволить не могу, и мы с вами оба это знаем, а возвышенность оставьте кому-то другому. — Амильена всегда понимала, что говорить правду легко, и, переступив порог этого кабинета, она еще не сказала ни слова лжи. Это невероятно вдохновляло. Насколько может вдохновлять задание ВНР, конечно.

— И в чем же заключается жизненная необходимость?

— Дома я умираю от скуки. — Тоже ни капли лжи.

При всем при том, что она занималась делами Ведомства, помимо этого делать было абсолютно нечего. Привыкшая к тому, что весь ее день расписан по часам, она уже провери-

ла и перепроверила всех управляющих отца, все, что могла, но... все равно отчаянно скучала именно по учебному процессу.

— Разве? Говорят, вы ведете насыщенную светскую жизнь. — Берроуз хмыкнул. — Или после ареста Марии Драконовой у вас снова не осталось подруг?

Амильена поморщилась.

— У меня их никогда и не было. Я общалась с Марией исключительно потому, что мне надо было с кем-то общаться.

— Невероятно вдохновляюще.

— Как есть.

Подруг у нее действительно не было. Со времен обучения в академии, потому что близость с Валентайном сначала чуть не превратила ее в изгоя. А потом, когда она от нее отказалась, уже при всем желании не могла смотреть на тех, кто от нее отвернулся, как прежде. Подпускать к себе близко кого-то нового не хотелось вовсе. Не хотелось снова разочаровываться. Ни в них, ни в себе.

Берроуз смотрел на нее в упор и о чем-то думал, и Амильена добавила:

— Я могу предоставить все документы о том, что моя квалификация...

— Вы приняты.

— Что?

Она настолько растерялась, что спросила это вслух. Берроуз только пожал плечами:

— Вы приняты. Когда можете приступить?

— Да хоть сегодня, — брякнула Амильена, когда она шла сюда, она не рассчитывала на столь быстрый результат.

— Сегодня не получится, нам надо подкорректировать расписание, — Берроуз скупно улыбнулся, и ей на миг показалось, что в этой холодной улыбке читалось нечто сродни разочарованию. Хотя, скорее всего, именно показалось. Потому что потом он поднялся, приблизился и отодвинул для нее стул, чтобы помочь встать. — Вы сами знаете, как это работает, Амильена. Обратитесь к моему секретарю, вас оформят, заодно и расскажут, что у нас поменялось в связи с новыми обстоятельствами.

Вот так быстро? Так легко?

Хотя... почему все и всегда должно быть сложно? Да, Вьерд обладал не самым простым характером, как и она, но ничего серьезного им делить не приходилось. Поэтому Амильена только кивнула и вышла за дверь. Знакомиться с секретарем Вьерда и с академией теперь уже не Драконова. Заново.

Глава 5

Соня

Женевьев и Амира считали, что парни что-то затевают, и, чем больше Соня присматривалась к Сезару и его поведению после их слов, тем больше убеждалась, что они правы. Он мог выпасть из разговора, словно о чем-то задумывался, когда она случайно заглянула к нему во время встречи с Ярдом и Амиром, резко замолчал, и не только он, они все, часто уходил куда-то ночами. И если раньше она бы подумала о том, что это делается для того, чтобы спустить пар с какими-нибудь девицами вроде той, что к нему заглядывала, сейчас мысли сворачивали в другую сторону.

Ярд ничего такого не подтвердил, когда Женевьев спросила его напрямую, но ее это совершенно не убедило.

— Они просто не хотят втягивать в это нас, — сказала она.

Они с Соней как раз шли по улице, Мира осталась с Сезаром, а сама Соня решила прогуляться с Женевьев до академии, чье предложение она все-таки решила принять. Такие как она, как Сезар, могли не работать вовсе — их магии хватило бы на весь Портуале или вообще на весь север, но Женевьев была права в том, что неработающие с неограниченными запасами магии вызывают подозрения. Да и не только. Для Анадоррской важно было делать что-то хорошее, это

Соня уже поняла. О ком-то заботиться. Что-то создавать.

Ну... или просто это был ее способ забыться после смерти родных. Вот уж что-что, а это Соня могла понять отлично. Она тоже потеряла все. Родной мир. Беззаботную жизнь. Маму...

Дважды.

— По-моему, тебе стоит на него надавить, — сказала она.

— На него бессмысленно давить, — хмыкнула Женеьев.

— Скажи, что для тебя важно доверие, — пожала плечами Соня.

— Доверие для меня действительно важно, и именно поэтому я так никогда не скажу. Потому что если Ярд мне что-то не говорит, значит, на это есть серьезная причина.

Соня открыла было рот, чтобы возразить. Потом закрыла. Потом все-таки закатила глаза:

— Ты не думаешь, что доверие подразумевает стопроцентную честность и искренность?

— Если от этого зависят жизни того, кого ты любишь, не всегда.

— Но это и наши жизни! Мы имеем право знать.

Женеьев улыбнулась:

— И что тебе даст знание того, с кем и как Сезар договаривается, чтобы выйти на военных, готовых пойти за ним?

У Сони потемнело перед глазами. Да, они обсуждали с девочками, что это «что-то» связано с переворотом и свержением Фергана, но она каждый раз оказывалась к этому не го-

това. Как только что-то начинало налаживаться, хотя бы на троечку, жизнь снова переворачивала ее вверх тормашками и вытряхивала последнее, что у нее оставалось — надежду на то, что все будет хорошо. Что может быть хорошего после военного переворота?

Во время военного переворота? Что вообще хорошего в войне?

— Я даже думать об этом не хочу, — призналась она.

— Не думай. Наслаждайся тем, что есть здесь и сейчас, — Женевьев легко коснулась ее руки.

День был невыносимо жаркий, от камня под их ногами тоже шел жар, и она вздохнула, когда Анадорская накинула на них обновленное охлаждающее заклинание. Этот сопровождающий их «кондиционер», пожалуй, был тем неоспоримым преимуществом, который дарила дарранийская магия, и Соня снова постаралась переключить мысли на позитивный настрой. Как там было, в «Поллианне»? Надо учиться находить радости везде, во всем, и тогда жизнь раскроется для тебя на полную.

Как раз в тот момент, когда она об этом подумала, мимо пробежал мальчишка-газетчик. На Севере вообще были больше распространены более приземленные вещи, чем всякие магические навороты, даже на бытовой магии старались экономить. Возможно, потому что в Портуале не было столько сильных магов, способных разбрасываться ресурсом направо и налево.

— Свежие новости! Свежие новости Хэвенсграда! — закричал он. — Арестованы Мария и Алина Драконовы!

Соня споткнулась о камень, торчащий из выщербленной мостовой. Женеьев остановилась, и мальчишка тут же цепким взглядом выхватил их из толпы, подскочил к ним:

— Возьмете «Вестника», тэри? Одного, двух?

— Нет, спасибо, — Женеьев подхватила Соню за локоть, чтобы увести, но она воспротивилась.

— Один «Вестник», пожалуйста.

Магия переключалась в накопитель на запястье мальчишки, а тот сунул ей в руки газету и побежал дальше.

— Свежие новости! Свежие новости Хэвенсграда...

— Зачем? — почти укоризненно спросила Женеьев, когда Соня сунула газету в сумку.

— Они моя семья. Пусть даже не настоящая. Мне нужно знать.

— Ты все равно ничем не сможешь помочь. Зачем травить себе душу?

— Это ты ничем не сможешь помочь! — огрызнулась Соня, и Женеьев отшатнулась.

— Знаешь, я, пожалуй, дойду сама.

Она зашагала так быстро, что чтобы ее догнать, Соне пришлось бы бежать за ней по улице, но бежать не хотелось. Во-первых, потому что ну догонит она ее — и что? Скажет «прости»? Разве это что-то исправит? А во-вторых, Соне самой отчаянно захотелось побыть одной. Потому что... пото-

му что при всем при том, что она так и не стала близка ни с Марией, ни с Алиной, они считали ее родней. Для них она была семьей, и, хотя их семейные ценности сочетались в одной плоскости примерно как солнце и луна в одно и то же время суток, их еще можно было спасти. В отличие от мамы, которая...

Соня закусил губу и быстро-быстро зашагала в другую сторону. Пока место ссоры с Женевиев не осталось далеко за спиной. А после и вовсе свернула на другую улицу, еще. И еще. И еще.

В Портуале, в отличие от Хэвенсграда, не было столько роскошных парков. Те же, что были, располагались в районах подальше от центра. Можно было воспользоваться портовой точкой, но Соня не хотела сейчас ее искать. Поэтому нашла свободную скамеечку в небольшом городском сквере, напротив фонтанов, присела на нее, достала газету и развернула.

Разумеется, никаких деталей там не было, были только портреты Алины и Марии, с упоминанием о том, что семья Драконовых связана с темной магией, с заговорщиками Сезаром и Люцианом Драконами, и, возможно, даже помогала самозванке Лене Харитоновой в теле Ленор Ларо и Валентину Альгору. В их доме прошли обыски и были найдены прямые доказательства коммуникации с Мертвыми землями, вся магия Драконовых была арестована, как и все имущество, также упоминалось, что сейчас происходит процесс

переименования академии, которая не может носить имя предателя. Дополнительно оговаривалось, что суд над Драконовыми состоится в конце месяца, тогда же будет решена их дальнейшая участь.

Соня перечитала новость несколько раз подряд, как загипнотизированная. Словно нечто темное снова и снова манило ее пробегать глазами по строчкам, запоминая их, впитывая в себя это жуткое настроение.

Несмотря на жару, она сейчас чувствовала струящийся во венах холод, а плеск фонтана, возле которого резвились дети, скорее раздражал, чем приносил облегчение. Хотя раньше Соня, родившаяся и выросшая в Санкт-Петербурге, всегда воспринимала воду как источник успокоения. Возле залива, каналов, рек и озер ей всегда становилось легче, в точности так же, как и у фонтанов. Но сейчас...

Только полная идиотка могла не понять, что происходит в Даррании.

Только слабая никчемная трусиха могла в такой ситуации бездействовать.

Соня сложила газету и решительно поднялась. Поиск портовой точки, перенос — и вот уже она поднимается по ступенькам в квартиру к мужу. Она постучала так громко и от души, что даже приоткрылась соседняя дверь, но тут же захлопнулась. Как раз в тот момент, когда выглянул Сезар.

— Соня? — удивился он, продолжая игнорировать тот факт, что Мира тянет его за прядь с недетской силой. — Ты

разве не должна быть с Женевьев?

— Должна, но я здесь, — Соня кивнула ему за спину. — Не пригласишь войти?

— Да. Разумеется. Что-то случилось? — Сезар в одно мгновение потемнел лицом, превращаясь из растрепанного отца в серьезного сосредоточенного мужчину.

Вместо ответа Соня захлопнула дверь и сунула ему в свободную руку газету, раскрытую на новостях. Сезар едва пробежал заголовок глазами и помрачнел еще больше.

— Я знаю, что вы с Сайтанхордом и Лорхорном что-то затеваете, — сказала она раньше, чем тот успел опомниться. — И я не уйду, пока ты мне все не расскажешь. Потому что я хочу быть частью этого, Сезар. Не просто хочу. Я *должна*.

Женевьев

Роусдел, академия в Портуале, ничем не напоминал академию Драконова. Хотя второй такой в Даррании не было, Женевьев все равно подсознательно искала сходства и различия, но сходства практически не было. Хотя бы потому, что основным направлением здесь была магическая наука, исследования и все с этим связанное, Драконова Академия же могла обьять необьятное, и, при всем при том, что поступить в нее было сложно, она считалась самой желанной и всегда штурмовалась и поступающими, и их родителями. Неизменно. Из года в год.

В Роусделе было значительно тише. Приемная комиссия

вот-вот должна была начать свою работу, но сейчас Жене-
вьев шла по пустынным коридорам на собеседование. Фор-
мальное, насколько она поняла. Ажиотажа здесь не было и
у преподавателей, потому что доход оставлял желать лучше-
го. Разумеется, она могла не работать. Совсем. Потому что
ее магии ей хватало с излишком и хватило бы на целый рос-
кошный особняк с парком, на его содержание, на слуг. Она
могла бы даже открыть здесь детский приют и заниматься
им, как занималась в Даррании. Содержать и детей, и воспи-
тателей, и все равно у нее бы еще оставалось. Или же просто
жить для себя и ни о чем не думать — артефакт Ярда, пере-
ливающий ее (и не только ее) магию в накопители, позволял
сделать так, что никого из них нельзя отследить по магии.
Вот только богатая меценатка, способная сразу купить себе
особняк, к тому же без мужа, явно вызвала бы много вопро-
сов. Ну а просто ничего не делать... это было не для нее. При-
мысли о том, что она будет просыпаться, бродить по городу,
есть, спать, читать книги, у Женевиьев что-то внутри надла-
мывалось. Она отчаянно хотела быть полезной этому миру,
хоть и не знала, как. Гибель родных выбила почву у нее из-
под ног, и Соня сегодня в резкой форме напомнила ей об
этом. Насколько она сейчас... сама не своя.

Несмотря на то, что рядом с ней Ярд, который ее любит и
готов на все. Несмотря на то, что ей удалось избежать кош-
марной участи Драконовых и еще более кошмарной — своей
семьи. Иногда она думала, что лучше бы ей было находить-

ся рядом с ними в тот момент: возможно, она смогла бы помочь, защитить... но потом она понимала, что нет, не смогла бы. Если уж отец не смог... И тогда приходила апатия.

Женевьев пыталась с ней бороться с переменным успехом. Она заставляла себя вставать, что-то делать, встречаться с учениками, помогать им разобраться в сложностях домашних заданий или подготовке к экзаменам, но, когда они уходили, возвращалась пустота.

То же самое было и с Ярдом. Когда они разговаривали, когда он ее обнимал или целовал, она говорила то, что от нее ждут. Делала то, что от нее ждут, и даже чувствовала себя живой. Но потом...

— Добрый день, — навстречу ей поднялась секретарь кафедры, молодая девушка в скромном светло-зеленом платье. — Вы Аннелия Лутц, верно? Вас уже ждут. Я сейчас доложу...

— Нет, не надо, — Женевьев внезапно почувствовала, как сердце провалилось куда-то в пятки и оттуда заколотилось с такой силой, что ей стало нечем дышать. Ладони вспотели, голова закружилась, а мир втиснулся в маленькую точку ее самоощущения, грозящего разлететься на части, — не надо, я передумала. Простите.

Она пролетела по коридорам под грохот собственного сердца и шагов. Перед глазами стояло растерянное лицо девушки-секретаря, а собственное бессилие, собственное отчаяние казались никчемными, мелкими, унижительными.

Никогда раньше она не вела себя так, никогда раньше она не поступила бы так! Все, за что она бралась, Женеvьев доводила до конца, она всегда несла ответственность за свои слова. Всегда, но только не сегодня.

Оказавшись за пределами академии, она бросилась к одной из порталvных точек. Но, вопреки логике, выбрала перемещение не поближе к своему дому, а к дому Ярда. Впрочем, до его квартиры она тоже не добежала. Ее накрыло темнотой и страхом, дрожью в руках и слабостью ног в переулке между домами, на выходе из портала.

Женеvьев сползла по стене вниз и сжалась в комок прямо на грязной брусчатке.

Раньше ей не доводилось такого испытывать, поэтому она на какое-то время утратила связь с реальностью. В себя пришла от резкого голоса:

— Тэри, а ну поднимайтесь!

От резкости голоса Женеvьев сначала вздрогнула, и только потом вскинула голову. Над ней возвышался пузатый страж порядка, глядевший на нее так, будто она испортила ему карьеру или и того похуже.

— Мне просто стало плохо, — сказала она, опираясь о стену и поднимаясь. Но ноги не держали, и Женеvьев пошатнулась.

— Плохо, — процедил страж. — Пить меньше надо, особенно посреди дня! Вы пойдете со мной.

— Я не пила, — резко вскинулась Женеvьев, невольно на-

градив стража взглядом, к которым привыкла с детства. Ему это не понравилось, и он больно схватил ее за руку.

— Я сказал, вы пойдете со мной. Не нарывайтесь на неприятности, тэри!

От шока Женевьев даже на мгновение лишилась дара речи, потому что раньше с ней никто так не разговаривал. И уж точно никто так на нее не смотрел, как будто она и впрямь напилась посреди дня и творила нечто непристойное. Пока она пыталась прийти в себя, страж уже потащил ее по улице, и все на них оглядывались. Позорище-то какое!

— Отпустите, — холодно произнесла она. — Я могу идти сама.

— Да я уж вижу, что можете, — неприятно хохотнул тот. — Топайте рядом, тэри, пока я добрый. А то можете оказаться в наручниках за нарушение городского порядка.

С Женевьев Анадорской такого не могло случиться. С Аннелией Лутц — вполне. Сердце все еще бешено колотилось, а перед глазами то и дело темнело, но Женевьев переставляла ноги на каком-то чистом упрямстве. Не хватало еще рухнуть прямо на брусчатку второй раз, чтобы дать этому драху преимущество!

Раньше в ее лексиконе не было таких слов, равно как и в мыслях, но раньше было раньше. От мужчины неприятно пахло: потом, перегаром и каким-то дешевым куревом, и ее, вдобавок ко всему, еще и затошнило. К счастью, идти оказалось недалеко, и спустя пару поворотов страж втолкнул ее

в участок, располагавшийся на первом этаже неприметного темно-серого здания с облезшим от дождя и времени фасадом.

— Оформи эту пьянчужку. — Ее грубо подтолкнули к стойке, за которой сидел страж, внешне являющий полную противоположность тому, что ее сюда притащил. Тощий, высокий и благоухающий каким-то одеколоном, резкий запах которого перебивал все остальные запахи в приемном отделении участка. Помимо них троих здесь никого не было, но Женеьев примерно представляла как здесь могло пахнуть. Темные въевшиеся в очень давно покрашенные деревянные доски пола пятна явно намекали на то, что здесь кого-то стошнило не раз и не два. Помещение было тесным, плохо проветриваемым, так что оставалось только благодарить этого любителя одеколona за то, что в нос бьет он, а не местная симфония ароматов.

— Не забудь снять магический слепок, — махнул рукой толстяк, скрываясь за дверью, за которой виднелся длинный, узкий как кишка коридор.

Магический слепок? Нет. Нет, ей нельзя делать магический слепок!

— Послушайте, это какое-то недоразумение, — произнесла она, когда тощий и оказавшийся еще более высоким, чем она представляла, страж, поднялся и шагнул к ней. — Я не пила, мне стало плохо от жары, я сказала об этом вашему...

— Разумеется, разумеется, — тот перебил ее без эмоций.

— Как же иначе, садитесь вот сюда, тэри, а то у меня скоро обед. И мне бы очень не хотелось его пропустить, потому что когда я пропускаю обед, я становлюсь очень злым.

Стражи порядка носили одинаковую форму, темно-серую, с отливом в синеву, но мундир, болтавшийся на плечах этого мужчины явно не чистили так давно, что его можно было поставить, и он бы стоял сам по себе. Как и брюки, наверняка. Женевьев поморщилась. При одной только мысли о том, что надо сесть на перепачканный непонятно чем стул, придвинутый к заляпанному не то ранхом, не то джмергом, не то какой-то выпивкой столу, на который уже успели присохнуть крошки и пыль, ее передернуло. Но ужаснее всего было то, что магический слепок снимается не через накопитель, он делается напрямую. А это может выдать их всех!

Прежде чем ее накрыло очередной волной паники, за спиной раздался знакомый голос:

— Вот ты где!

Обернувшись, Женевьев увидела Ярда. Он вошел в участок и сразу направился к стойке.

— Вы кто? — тут же подобрался страж.

— Ее муж, разумеется, кто же еще. — Лорхорн шагнул к стражу вплотную. — Сколько тебе раз говорить, не выходи из дома без меня. Она не совсем в себе, если вы понимаете.

— Да? — прищурился страж. — А выглядит вполне нормальной.

— Ну, это только видимость. У нее была не очень успева-

емость в школе, поэтому однажды ее оглушило магическим бытовым заклинанием, и с тех пор она вот такая.

Ярд тяжело вздохнул и окинул ее снисходительным взглядом. Что касается Женевьев, она лишилась дара речи.

— Простите еще раз. Давайте я ее заберу, чтобы не создавать лишней волокиты.

— Так зачем ты на ненормальной-то женился? — раздраженно спросил страж.

— Когда я женился, она была нормальная, это она на кухне у нас приложилась. Сейчас вот постоянно теряется в городе, валится с ног, вообще не представляю, что бы я делал, если бы вы ее не нашли. — Лорхорн пожал руку совершенно ошалевшему стражу. — Спасибо вам!

— Но вы же понимаете, что я не могу просто так ее отпустить. Что я скажу напарнику...

— Скажете, что сегодня у вас будет хороший вечер, — Лорхорн ослепительно улыбнулся. В личный накопитель стража потекла магия, а спустя пару минут Женевьев с Ярдом уже вышли из участка.

Глава 6

Лена

У домика постепенно появлялась крыша. Ну как появлялась, ее делал Люциан. Поскольку черепицы здесь не было, ей просто неоткуда было взяться, в ход пошло дерево. Деревьев здесь было море, а еще в погребе дома, вход в который мы обнаружили за кухней, обнаружили инструменты. Оставалось только догадываться, кто здесь вообще жил и что делал — когда ты находишь что-то подобное на Земле — рубанок, молоток, гвозди, веревки и прочее, таких вопросов в принципе не возникает. А вот когда в магическом мире, где немагические земли — нонсенс, еще как. Но, кем бы ни были те, кто жили здесь до нас, спасибо им большое. Потому что иначе моя идея жить Робинзоном провалилась бы с треском. Еще повезло, что не было дождей, и Люциану удавалось работать быстро. На утепление крыши мы пустили гамак и тент, так что случись какому-то проливному ливню накрыть эти места, нас бы затопило к драконьей бабушке. Но нам везло, если так можно выразиться.

Просто на удивление везло.

В том числе повезло и в том, что крыша не была разрушена полностью, поэтому и работа шла быстрее. За две недели домик обрел то, чего у него уже давно не было. Пока Люциан работал снаружи, я убиралась внутри. Люциан укрепил сту-

пени, и на втором крохотном этаже мы обнаружили спальню. Кровать здесь тоже была, не фабричная, а грубо сколоченная, но, когда я в первый раз на нее легла — вместо матраса здесь была перина, которую мы основательно просушили на солнце и почистили, я почувствовала себя в раю. Мое тело уже подзабыло, каково это, спать там, где можно вытянуться в полный рост. И не на деревянном полу!

Поразительно, но уборка прочищала мозги настолько, словно с каждым вымытым квадратным метром я вымывала из себя все то дерьмо, которое мешало мне жить в последнее время. Если я что-то и поняла за свою не то чтобы сильно длинную жизнь, так это то, что прошлое не исправить, даже если вывернуться наизнанку через кишки. И здесь можно было выбрать два варианта: продолжать проваливаться в то, что тебя убивает, день за днем все глубже погружаясь в это, или перешагнуть и идти дальше. Конечно, в моем случае «перешагнуть» было проще сказать или подумать, чем сделать, но это было уже что-то. Так что, можно сказать, мы с домом обретали крышу одновременно.

Когда ко мне приходили мысли про Валентайна, Ленор или в принципе какие-то мысли, которые не давали покоя, я обещала себе вернуться к этому позже. Когда я буду готова. Когда смогу вспоминать без желания выйти в окно, которое мою.

В спальне на втором этаже было окошечко. Вся мебель — старая, рукодельная. Крепкий добротный шкаф, тумбочки,

в которых обнаружили и постельное белье, и подушки, и вещи. Больше всего меня впечатлила белая рубашка и мужские брюки и синее женское платье простого кроя. Изрядно присыпанные пылью, они умудрились сохраниться, несмотря ни на что. Когда я их постирала в реке неподалеку, обнаружила, что они даже не рассыпаются на части.

В отличие от всех остальных вещей, что я нашла.

Наверное, если бы мы с Люцианом не прошли школу жизни в поселении каани, ничего этого просто не было бы, но... наш домик превратился в удивительно уютное место. И пусть в нем не было центрального водопровода, туалета и ванной, он стал похож на место, в котором хочется, а главное — действительно можно жить. А еще я научилась готовить.

Поразительно, но мне это даже нравилось. Потому что в процессе запекания чего-то в углях или на костре я тоже полностью «выключалась» из собственных мыслей, в которых было много всего, способного выбить из колеи. Собирать ягоды и грибы мне тоже нравилось, а вот на охоту ходил Люциан. Ловить рыбу у него получалось отменно, и это было даже несколько медитативно. Смотреть, как он стоит на мелководе в быстрой реке со специально заточенным для этого копьем. Обнаженный по пояс и загорелый.

Работать в такой жаре полностью одетым не представлялось возможным, поэтому Люциан загорел так, словно мы с ним на Эллейских островах прохлаждались пару недель. Вот такие странные мысли меня посещали, пока я сидела рядом

с корзиной для рыбы на берегу реки. Но самой странной была мысль о том, что я не могла оторваться от разглядывания Драгона, от того, чтобы наблюдать, как перекачиваются под кожей мышцы. Хиленьким принц никогда не был, но сейчас превратился в тот тип мужчин, который снимают в рекламе «на спорте».

— Почему ты так смотришь? — спросил Люциан, возвращаясь ко мне и отточенным движением стряхивая рыбу в корзину.

Вместо ответа я поднялась: текучим, плавным движением. Обвила его плечи руками и поцеловала разогретые солнцем губы.

Я сама так и не поняла, зачем это сделала. Наверное, сработали инстинкты тела, когда Елена привыкла брать то, что ей нравится. Думать о ней в третьем лице было странно, но это действительно была совершенно другая личность, которая не заморачивалась моралью, совестью и прочими составляющими...

Долго думать не получилось, потому что вместо того, чтобы меня оттолкнуть — Люциан просто должен был меня оттолкнуть после всего, он притянул меня к себе. Одна его ладонь легла мне на затылок, другая на грудь, и тело словно превратилось в костер. В жидкое пламя, которое обретало жизнь только от этих прикосновений, а до этого просто существовало. Словно все напряжение тех ночей, когда я не позволяла себе то, что легко позволяла она, выплеснулось

в меня, затопило меня целиком, и остановиться не было ни сил, ни возможности.

— Это вряд ли то, чего ты на самом деле хочешь, — голос Люциана прозвучал так неожиданно, что меня вытряхнуло в реальность.

Он стоял так близко ко мне, и его губы почти касались моих после нашего сумасшедшего поцелуя. Но он, драх его подери, это сказал.

— Я так рада, что ты знаешь, что мне нужно, — усмехнулась я.

— Так получилось, Лена, что я действительно тебя знаю. Смирись.

— Уже смирилась, — я отступила, поднимая руки. — Простите за беспокойство, тэрн-ар.

— Я не это имел в виду! — прорычал он и попытался меня перехватить, но я сейчас двигалась очень быстро.

— Ты прав, это было сиюминутное помешательство. Это больше не повторится.

Я развернулась, чтобы уйти, но он рывком притянул меня к себе.

— Я не хочу, чтобы ты потом опять ненавидела себя и меня.

Бедром я ощущала его желание, и даже самая наивная в таких делах девушка вряд ли бы сейчас сказала, что он меня не хотел. Но он был прав. Тысячу раз прав.

— Я же уже сказала, — уперлась ладонями ему в грудь.

— Ты прав.

Люциан кивнул. Но как-то медленно, словно это признание далось ему с большим трудом. И так же медленно меня отпустил. Я сделала шаг назад, потом еще два. Каждый давался все легче, легче и легче. В конце концов, мне не нужно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.